

ПОСЛЕДНИЙ МАГНАТ

ГЛАВА 1

Я выросла в мире кино, хотя в фильмах не снималась. Говорят, на день рождения ко мне, пятилетней, приходил Рудольф Валентино. Упоминаю это как штрих: киношную жизнь я наблюдала изнутри с самого раннего детства.

Когда-то я думала взяться за мемуары и назвать их «Дочь продюсера», но в восемнадцать лет голова забита другим. Да и вышли бы они не увлекательнее, чем прошлогодней давности светская хроника Лолли Парсонс. Кино для отца было таким же занятием, как для других — торговля хлопком или сталью, я принимала это спокойно. В худшем случае относилась к Голливуду, как призрак — к старому дому, в котором ему выпало обитать. Про общее мнение я знала, но упорно не желала проникаться священным ужасом.

Сказать легко, труднее втолковать это остальным. В Беннингтонском колледже, где я училась, кое-какие преподаватели-филологи, на словах безразличные к Голливуду, в душе ненавидели его лютой ненавистью, будто он угрожал их существованию. Еще раньше, в монастырской школе, милая хрупкая монахиня как-то попросила меня добыть ей киносценарий — чтобы «рассказать на занятии об особенностях жанра», как она рассказывала об эссе или повести.

Сценарий я принесла, и она, видимо, долго ломала над ним голову, однако так и не упомянула на уроке, а позже вернула мне текст с удивленно-оскорбленным видом, не обронив ни слова. Боюсь, с моим нынешним рассказом случится примерно то же.

Можно, подобно мне, принять Голливуд как есть; можно отмахнуться от него с презрением, какое мы берегаем для всего, что не способны вместить. Понять его тоже можно — но смутно и лишь обрывками. Людей, способных сложить в голове полную, совершенную формулу кинематографа, наберется едва ли полдюжины. И, пожалуй, для женщины единственный способ приблизиться к сути — попытаться понять одного из таких людей.

Я знала, как выглядит мир с самолета. Домой на каникулы и обратно — в школу и колледж — отец отправлял нас по воздуху. После смерти сестры я летала из колледжа уже одна, и всякий раз меня захлестывали воспоминания, я мрачнела и затихала. Порой тем же рейсом летел кто-то из голливудских знакомых, иной раз попадался приятный студент — в годы депрессии, впрочем, не так часто. Я почти не спала в перелетах: мысли об Элинор и ощущение стремительного рывка от побережья до побережья не давали покоя — по крайней мере пока не оставались позади мелкие сиротливые аэропорты Теннесси.

В тот раз мы попали в непогоду, и с самого взлета пассажиры разделились: одни немедленно устроились на ночлег, другие не думали спать вовсе. Двое таких неспящих сидели через проход от меня, и по обрывкам разговора я поняла, что они из Голливуда. Один выглядел типичным киношником — немолодой еврей, который то взрывался в бурном монологе, то, сжав-

шись пружиной, замирал в трагической паузе; другой же — приземистый, лет тридцати, невзрачный и бледный — явно встречался мне раньше. Может, заходил к нам по случаю, не знаю. Правда, он мог видеть меня совсем ребенком, поэтому было необидно, что он меня не узнал.

Стюардесса — яркая статная брюнетка, каких здесь традиционно предпочитают, — спросила, не хочу ли я прилечь.

— Может, дать вам аспирин? — Ее, примостившуюся на подлокотнике, раскачивало от бушующего снаружи июньского циклона. — Или нембутал?

— Нет.

— Забегалась с остальными, некогда было спросить. — Она села рядом и пристегнула нас обеих ремнем. — А может, жевательную резинку?

Вспомнив про резинку, которую уже давно устала жевать, я завернула ее в клочок журнальной страницы и бросила в самозахлопывающуюся пепельницу.

— Сразу видно воспитанных людей, — одобрительно заметила стюардесса. — Всегда сперва завернут.

Мы немного посидели в качающемся полумраке салона, слегка напоминавшего дорогой ресторан между обедом и ужином. Пассажиры просто коротали время, по большей части бесцельно. Даже стюардесса, кажется, поминутно напоминала себе, что она здесь по делу.

Мы поболтали о знакомой молоденькой актрисе, с которой она летела на запад два года назад — в самый разгар депрессии. Актриса так неотрывно глядела в иллюминатор, что стюардесса боялась, не задумает ли та выпрыгнуть. Правда, актрису, как выяснилось, страшила не бедность, а только революция.

— Я знаю, что нам с мамой делать, — доверительно шепнула она стюардессе. — Надо уехать в Йеллоустонский заповедник и пожить там скромной жизнью, пока все не уляжется. А потом вернуться обратно. Актеров ведь не убивают, да?

Замысел меня восхитил. Перед глазами возникла прелестная сценка: актрису с мамой кормят медом добрые патриархальные мишки, а трепетные оленята приносят молоко от ланей и пасутся рядом в ожидании ночи, чтобы служить подушкой обеим беглянкам.

В ответ я рассказала о юристе и режиссере, которые в те мятежные дни поделились с отцом видами на будущее. Если армия безработных ветеранов займет Вашингтон, то юрист, припрятавший у Сакраменто лодку, собирался уйти на веслах вверх по течению, переждать пару месяцев и вернуться — «после революций юристы в цене: должен же кто-то утрясать правовую сторону дела».

Режиссер был настроен на худшее. Он держал наготове старый костюм, рубашку и ботинки — не знаю, собственные или реквизит — и проповедовал «исчезновение в толпе». Отец тогда сказал: «А руки? С первого взгляда любому ясно, что руками ты не работал. И еще у тебя спросят профсоюзную карточку». Помню, как вмиг насупившийся режиссер мрачно доедал десерт и какими смешными и жалкими казались мне все их потуги.

— Ваш отец актер, мисс Брейди? — спросила стюардесса. — Знакомая фамилия.

При имени Брейди оба попутчика глянули в нашу сторону — искоса, типичным голливудским взглядом, словно через плечо. Потом тот, что помоложе — приземистый и бледный, — отстегнул ремень безопасности и шагнул в проход рядом с нами.

— Вы Сесилия Брейди? — спросил он обличительно, будто я от него таилась. — Так я и думал! Я Уайли Уайт.

Имя было излишним, в тот же миг чей-то голос бросил: «С дороги, Уайли!» — и мужская фигура шагнула мимо него к кабине летчиков. Уайли Уайт вздрогнул и с запоздалой бравадой крикнул вдогонку:

— Я подчиняюсь лишь командиру экипажа!

Обмен любезностями, традиционный для голливудских владык и их подручных, прозвучал знакомо.

— Тише, пожалуйста, — напомнила стюардесса. — Здесь спят.

Через проход я увидела, что второй пассажир, немолодой еврей, тоже поднялся и откровенно алчным взглядом уставился на прошедшего — вернее, уже вслед. Тот вскинул ладонь, словно на прощанье, и скрылся с глаз.

— Это младший пилот? — спросила я стюардессу.

Она отстегивала ремень, собираясь оставить меня с Уайли Уайтом.

— Нет. Это мистер Смит. У него отдельная каюта — «номер для новобранцев», только он там один. Младший пилот всегда в летной форме. — Она встала. — Пойду узнаю, будет ли посадка в Нашвилле.

— С чего вдруг? — изумился Уайли Уайт.

— В долине Миссисипи гроза.

— Нам что, сидеть тут всю ночь?..

— Если не стихнет.

Стихать не собиралось — самолет резко нырнул. Уайли Уайта швырнуло в кресло напротив, стюардесса толкнуло к кабине, еврея опрокинуло на сиденье. После досадливых ремарок — нарочито бесстрастных,

какие подобают бывалым воздухоплавателям, — мы расселись, Уайли Уайт нас представил.

— Мисс Брейди — мистер Шварц. Тоже близкий друг вашего отца.

Мистер Шварц кивнул яростно, словно говоря: «Правда. Бог свидетель, истинная правда!»

Времена, когда он мог заявить так во всеуслышанье, несомненно, прошли; его чем-то сломило. Так, бывает, встречаешь приятеля, изувеченного в аварии или кулачной драке: оглядываешь его и спрашиваешь, что случилось, а он только мычит сквозь выбитые зубы и распухшие губы — и не может ничего сказать.

Физически Шварца никто не калечил: крупный персидский нос и косые тени у глаз были природными — как вздернутый, по-ирландски красный нос моего отца.

— Нашвилл! — воскликнул Уайли Уайт. — Торчать в гостинице! И до Калифорнии доберемся только завтра к вечеру, если не позже. Бог ты мой! Я ведь родился в Нашвилле.

— Наверное, приятно его снова увидеть?

— Вот уж нет! Пятнадцать лет ноги моей здесь не было. Надеюсь, и не будет.

Однако его надежды не оправдались: самолет явно летел вниз — все ниже и ниже, как Алиса в кроличью нору. Прикрывшись от света ладонью, я разглядела в окне, далеко слева, смутные огни города. Зеленая надпись «Пристегнуть ремни. Не курить» горела еще с начала грозы.

— Слышал? — бросил из-за прохода Шварц, замерший было в очередной неистовой паузе.

— Что именно? — переспросил Уайли.

— Слышал, как он себя называет? Мистер Смит!

— А что тут такого?

— Нет-нет, ничего, — торопливо выдохнул Шварц. — Просто показалось забавно. Смит! — повторил он со смешком безрадостнее некуда. — Смит!

Ничего более сиротливого и угрюмого, чем аэропорты, свет наверняка не видывал со времен постоянных дворов для дилижансов. Старые краснокирпичные вокзалы строились прямо в поселках и городках, и сходить там, если ты не местный житель, было незачем. Аэропорты же отзывались давним прошлым — как оазисы, как стоянки на великих торговых путях. Вид пассажиров, поодиночке и парами входящих в ночное здание, неизменно собирал кучку зевак, толпящихся у поля далеко за полночь. Юнцы глазели на самолеты, осторожные взрослые недоверчиво оглядывали путников. В нас, странствующих по воздуху через весь континент, видели крезов с западного побережья, мимоходом сошедших с облаков на землю посреди Америки. Среди нас мог оказаться невероятный сюрприз — кинозвезда. Впрочем, такое бывало редко. И мне всегда отчаянно хотелось выглядеть интереснее, чем мы есть, — о том же я мечтала на премьерах, когда зрители небрежно окидывают тебя укоряющим взглядом лишь потому, что ты не знаменитость.

На земле Уайли подал мне руку, помогая выбраться из самолета, и отношения вмиг стали приятельскими. Он взял себе за тон виться вокруг меня с ухаживаниями, я не возражала. С первой минуты в аэропорту стало ясно, что копь нас сюда забросило — то забросило вместе. (Ничего похожего на тот раз, когда я осталась без парня — когда в фермерском доме неподалеку от Беннингтона он сидел за пианино с девушкой по имени Рейна и до меня наконец дошло, что я лишняя. Гай Ломбардо по радио играл «Ци-

линдр» и «Щекой к щеке», Рейна помогала перенять мелодию. Клавиши трепетали, как осенние листья, ее руки скользили поверх его пальцев, показывая «черный» аккорд. Я училась тогда на первом курсе.)

Шварц вошел в аэропорт вместе с нами, двигаясь как сомнамбула. Пока мы выясняли в справочной сроки задержки, он не отрывал взгляда от двери на летное поле, словно боялся, что самолет улетит без него. Потом я на несколько минут отлучилась и явно что-то пропустила: когда я вернулась в зал, мои спутники стояли бок о бок, Уайт что-то втолковывал Шварцу, а тот выглядел совершенно раздавленным, будто его только что переехал тяжелый грузовик. На летное поле он уже не смотрел. Я застала конец реплики Уайли Уайта:

— ...говорил же — не суйся. Поделом тебе.

— Я только сказал...

При моем приближении Шварц умолк. Я спросила, нет ли новостей (было полтретьего ночи).

— Как не быть, — сообщил Уайли Уайт. — Объявили, что нам тут торчать три часа, не меньше, и όσο бо нежные уже собрались в гостиницу. А я хочу вытащить вас в «Эрмитаж», поместье Эндрю Джексона.

— Темно ведь, что там увидишь? — запротестовал Шварц.

— Ерунда, еще пару часов — и рассвет!

— Поезжайте вдвоем, — буркнул Шварц.

— Ладно. А ты в гостиницу, пока автобус не ушел. Там и он, собственной персоной. — В голосе Уайли мелькнула насмешка. — Может, повезет.

— Нет-нет, я с вами, — торопливо согласился Шварц.

Во тьме, непривычной после освещенных ночных городов, мы уселись в такси; Шварц повеселел и ободрительно потрепал меня по коленке.

— Конечно, я поеду. Должен же кто-то приглядеть за беззащитной девушкой. Давным-давно, когда я ворочал большими деньгами, у меня была дочка — писаная красавица.

Он сказал это так, будто дочка отошла кредиторам в качестве ценного имущества.

— Обзаведешься другой, — уверил его Уайли. — Все станет по-прежнему. Новый виток колеса Фортуны — и вознесешься туда, где папа Сесилии. Правда, Сесилия?

— Далеко этот ваш «Эрмитаж»? — помолчав, спросил Шварц. — За тридевять земель, у черта на куличках? На самолет не опоздаем?

— Не суетись, — отмахнулся Уайли. — Надо было прихватить для тебя стюардессу. Хороша, да? По мне — так даже очень.

Мы долго катили по открытой равнине под ясным ночным небом; рядом с дорогой изредка попадались то дерево, то домишко, то снова дерево, потом вдруг открылся плавный изгиб леса. Даже в темноте я поняла, что деревья здесь зеленые, а не оливково-пыльные, как в Калифорнии. По пути встретился негр, который гнал впереди себя трех коров; при виде нас он оттеснил их к обочине, они замычали — настоящие живые коровы с теплыми шелковистыми боками. Негр тоже мало-помалу проступил из сумрака вживую и приблизился к машине, не сводя с нас огромных карих глаз. Уайли дал ему двадцатипятицентовик, и негр со своим «спасибо, спасибо» остался на дороге, и коровы вновь замычали во тьме, когда мы двинулись дальше.

Я вспомнила, как впервые увидела овец — сразу сотни: мы нежданно угодили в самую их гущу, въехав на заднюю площадку студии старика Леммле. Овцам,

пригнанным на съемку, явно было не по себе, зато мои попутчики не умолкали:

— Роскошно!

— Ты так и задумывал, Дик?

— Ну не шикарно ли?

А тот, кого звали Дик, с видом Кортеса или Бальбоа озирал с машины серые волны овечьего руна, колышущиеся под его взглядом. Что за фильм тогда снимали — я то ли забыла, то ли вовсе не знала.

Мы ехали уже час. Позади остался ручей, который мы пересекли по старому железному мосту с гремучими досками. Начали петь петухи; у домов, вспугнутые машиной, то и дело шевелились сине-зеленые тени.

— Говорил же я, скоро рассвет, — сказал Уайли. — Я здесь родился — потомок южной голытьбы. Семейный замок теперь стал сараем. У нас было четверо слуг; мой отец, мать и две сестры. Я решил, что их гильдия обойдется без меня, и отправился в Мемфис делать карьеру, которая теперь летит напрямик под откос. — Он слегка меня приобнял. — Сесилия, выходите за меня замуж, пусть мне перепадет капиталец от Брейди!

Прозвучало безобидно, я не стала отнимать головы от его плеча.

— Чем вы заняты, Сесилия? Учитесь в школе?

— В Беннингтонском колледже. На предпоследнем курсе.

— Ах, прошу прощения. Не знал. Правда, в колледжах я и не обучался. Предпоследний курс, говорите. А в «Эсквайре» пишут, что старшекурсницы и так все знают!

— И почему только все уверены, будто студентки...

— Незачем оправдываться: знание — сила.

— Послушать вас — сразу ясно: мы на пути в Голливуд. Там вечно отстают от времени.

Уайли притворно ужаснулся.

— Вы намекаете, что на восточном побережье у девушек нет личной жизни?

— В том-то и дело, что есть. Вы мне мешаете, ото-двиньтесь.

— Не могу, разбужу Шварца, а он и так неделями не спал. Знаете, Сесилия, у меня однажды была интрижка с продюсерской женой. Так, мелкий романчик. На прощанье она без экивоков заявила: «Не вздумай никому рассказать, иначе вылетишь из Голливуда в два счета. У мужа куда больше власти, чем у тебя!»

Досада прошла, он вновь показался мне забавным. Вскоре такси свернуло на длинную аллею, благоухающую жимолостью и нарциссами, и мы остановились у серой громады особняка Эндрю Джексона. Водитель обернулся было что-то рассказать про поместье, но Уайли, кивнув на Шварца, дал знак молчать, и мы тихонько выбрались из машины.

— В особняк сейчас не пустят, — вежливо предупредил водитель.

Мы с Уайли уселись у широких колонн лестницы.

— А что со Шварцем? — спросила я. — Кто он такой?

— К черту Шварца. Он заправлял какой-то кинокомпанией — «Ферст нэшнл»? «Парамаунт»? «Юнайтед артистс»? А теперь на мели и не у дел. Ничего, вернется. В кинематограф не возвращаются только пьяницы и дураки.

— Вы не в восторге от Голливуда, — предположила я.

— Отчего же. Конечно, в восторге. Слушайте, что за тема для разговора — у порога особняка Эндрю Джексона, да еще на рассвете!